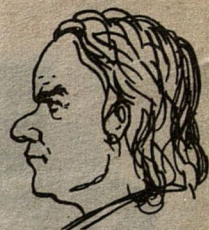

ошеломлённый успехом романа, Тургенев не готов был выступи

отрицание героя

Никогда не существовавшему Евгению Васильевичу Базарову нынче исполнилось бы 140 лет

Базаров. Рисунок И. Тургенева

Илья Можаев

История русской литературы знает книги, в судьбе которых роковую роль сыграла школьная программа. Содрогаюсь от воспоминаний об уроках словесности, о "типичных представителях", "лучах света в тёмном царстве" и старухах-процентщицах, читатель никогда более не берёт в руки хрестоматийные романы – он наивно полагает, что их время прошло. Если бы так...

...МЕЖ ЗАМЫСЛОМ РОМАНА ИВАНА Тургенева "Отцы и дети" и выходом его в свет прошло всего два года.

Первые упомянул о романе Тургенев в личном письме в августе 1860 г. Параллельно работе думал и о месте публикации. Двери "Современника", в котором первую скрипку играли дуэтом Чернышевский и Добролюбов, для него наглухо закрылись.

Нечто похожее на травлю медведя собаками началось для Тургенева ещё с публикации очерка Чернышевского "Русский человек на rendez-vous" (1858). По мнению Николая Гавриловича, ученика "неистового Виссариона", ни о чём другом, кроме общественных интересов, даже в любовной прозе писатель помышлять не должен.

Два года спустя в том же "Современнике" появились ещё более резкие выпады против романов "Рудин" и "Накануне". И писатель решился – отдал рукопись в либеральный журнал "Русский вестник", к Каткову, который как раз в это время вёл полемику с "Современником".

Катков оказался введливим цензором-ценителем. Началась "кроваво-политная" борьба автора с издателем вокруг характеров центральных персонажей – Павла Кирсанова, представителя "отцов", и его антагониста, нигилиста Базарова, выступающего от "детей". Претензии Каткова свелись к тому, что Тургенев незаслуженно осмелел "отцов" и так же незаслуженно идеализировал радикальную молодёжь.

Под давлением главреда Тургенев внёс ряд изменений, добавлений, вставок, переписал диалоги – но Катков не унялся. К концу "работы над ошибками" отношения автора и издателя окончательно расстроились. В переписке замелькали категорические фразы "Не могу согласиться..."

В конце февраля в третьем номере "Русского вестника" за 1862 год роман Тургенева "Отцы и дети" увидел свет, чего автор уж и не чаял.

СЕМЬ ЛЕТ, СО ДНЯ КОНЧИНЫ ИМПЕРАТОРА Николая I, Россию трясло и колотило предчувствие неотвратимых новаций. За год до выхода романа свершилась "революция сверху" – отмена крепостного права, сопровождавшаяся бунтами и беспорядками. Слухи и сплетни о появлении каких-то неведомых "новых людей", которые ни Бога, ни царя не боятся и мечтают по всей России пустить красного петуха, росли и ширились. На этом фоне публикация "Отцов и детей" стала первым в России литературным скандалом, переросшим в самый настоящий политический кризис и открытое размежевание русского общества по идейным основаниям. Тургенев потому и был так ошеломлён успехом "полемиического" романа, что ничего подобного не ожидал – и даже не готов был выступить с разъяснениями, которых от него требовала российская и эмигрантская общественность.

Учительности и полемики, которую приписывают "Отцам и детям", в романе почти нет. Нет и карикатурного изображения "нигилиста", подобного тому, что дал Лесков в появившихся тогда же "Соборянах". Кстати, наибольшее возмущение высокоморальных читателей вызвали не цинизм Базарова, не бесхребетность Аркадия Кирсанова, не "экое богатое тело!" в адрес Одинцовой, а образ Фенечки, невенчанной жены-полюбовницы Николая Петровича Кирсанова. О подобных "шалостях" тогда принято было неограниченно злословить в обществе, но не принято открыто писать в романах. Тем более что коллизию эту Тургенев изобразил тепло и сочувственно.

Вокруг романа завязалась ожесточённая журнальная свара. Критик "Современника" Антонович оперативно написал статью с выразительным названием "Асмодей нашего времени". В ней он был прав и прост: "Отцы и дети" есть клевета на молодое поколение и панегирик "отцам", роман очень слаб в художественном отношении.

Спустя год иронический итог журнальной битвы подвёл Достоевский:

"С каким спокойным самодовольствием мы отхлестали, например,

Тургенева за то, что он осмелился не успокоиться с нами и не удовлетвориться нашими величавыми личностями и отказался принять их за свой идеал, а искал чего-то получше, чем мы: даже отхлестали мы его и за Кукину, за эту прогрессивную вошь, которую вычесал Тургенев из русской действительности нам напоказ, да ещё прибавили, что он идёт против эмансипации женщины".

Старый добрый нигилизм Базарова – детский лепет по сравнению с тем, что вскоре пришло ему на смену.

При всех симпатиях и антипатиях к "нигилисту позапрошлого века" стоит напомнить, что это был образ порядочнейшего человека своего времени. Базаров неплохо разбирался в том, что отрицал. Женщин презирал, но не унижал; когда почувствовал, что влюбился, ушёл без романтических метаний, дабы не взваливать на душу бремя непосильное. Не только во имя науки лягушек резал, но и работал – мужиков лечил. И умер не от пьянства, а от производственной травмы.

ДАЙ БОГ ДЕТЯМ, КОТОРЫЕ ПРИДУТ НА смену "отцам" текущей эпохи Великого Дебилизма, быть хоть сколько-нибудь схожими в трезвомыслии и порядочности с Евгением Васильевичем Базаровым. ■

Тургенев и его критики. Рисунок XIX века.